не в нательной рубашке, а в обычном иерейском облачении, что более приличествовало ему как святому. Соответственно выпущено и все, что в челобитной обрамляло его ночное моление в темнице, когда он «на соломке стоя». Евангелие апракос, которое теперь Аввакум держит в левой руке (в челобитной Аввакум читал его «наизусть»), возможно, попало на икону из других сочинений его, которыми, может быть, художник корректировал икону, как уже замечено выше. Совершенно иначе, также в привычном, стандартном виде передано само явление ему небесных сил. У Аввакума оно разбито на три этапа: сначала появляется ангел-хранитель, потом Богородица и наконец Христос «с силами многими». Появление Богородицы впереди Христа — вольность Аввакума. Иконописец же изобразил явление в виде обычного облачного сегмента с полуфигурами Христа, за ним Богородица и за ней два архангела, вероятно, по идее художника, Гавриил и Михаил, которые, по некоторым апокрифическим сказаниям, как верные стражи, сопровождают Богородицу.

Трудно сказать, откуда появились дополнительные слова «Рабе мой» на иконе, в тексте надписи на хартии у Христа. Добавление ли это художника, или они были в том списке (или автографе) пятой челобитной, которым воспользовался художник. Во всяком случае это добавление придает надписи более четкий характер, как-то сильнее адресует ее непосредственно Аввакуму. Скорее всего, эти слова вставлены для большей ясности текста самим художником. Он также, по-видимому, и с той же целью — большей лаконичности — сократил начало «Послания братии на всем лице земном», переписанное на свиток Аввакума на иконе (тексты см. выше).

Ярко выраженный публицистический и полемический характер Аввакумовых челобитной и послания нашли свое отражение на иконе. Она также оказалась публицистичной по своему построению и содержанию. То, что на ней изображен Аввакум, было вызовом не столько керженцам, противникам аввакумовых догматических писем, сколько, и в большей мере, господствующей церкви. Икона не только пропагандировала Аввакума как святого, но прежде всего агитировала за старую веру, вела полемику на ее стороне. Сам Аввакум остается на ней как бы на втором плане. Основная задача иконы, как и ее источников, заключается в призыве к стойкости, мужеству в борьбе за веру, в разъяснении того, что на стороне старой веры сам бог. Икона, как и источники ее, воинственна по своему направлению.

Смысл иконы как призыва к борьбе за веру удачно передан художником через надписи на свитках, в руках Аввакума и Христа. Надписи как бы являются словами этих лиц, дополняют друг друга. Аввакум призывает стоять в вере бесстрашно, твердо и незыблемо, а бог говорит: не бойся призывать, я с тобою. Такой «диалог» бога и святого, насколько нам известно, не в традициях иконописи и является творческим использованием литературного текста. Рисуя Аввакума со свитком в руке, с призывным текстом из его произведения, художник представлял протопопа как писателя-борца. Икона, давая реалистический образ Аввакума, напоминала также о нем как о человеке, который в «Послании братии на всем лице земном» уже сам считал себя тогда как бы заживо погребенным, умершим, говоря: «... я уже нынеча не плачю сам, вам велю плакать о всех и о мне».[24] Икона является в какой-то мере и иллюстрацией к словам челобитной о том, что бог ныне еще не «изнемог» и готов всегда оказать поддержку гонимым за веру.

[24] Там же, стлб. 774.